
ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
И МЕТОДОЛОГИИ

**ПРАВСТВЕННО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ
СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК**

Я.С. Яскевич,

доктор философских наук, профессор, директор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета

Современные социально-гуманитарные науки не только обосновывают необходимость радикальных перемен, но и определяют возможные варианты и векторы изменений. Если люди не готовы признать, что мир может быть иным, социально-гуманистический прогресс невозможен. В то же время изменения в обществе происходят быстрее в случае соответствующей «настройки», резонанса общественного сознания на них.

***Статус национальных государств
и государственного регулирования
в рыночной экономике***

Процессы демократизации государственной, правовой, экономической и политической систем постсоциалистических стран сопровождаются качественными изменениями целей, задач и функций отдельных социально-гуманитарных и экономических наук, изучающих эти процессы, с одной стороны, и обновлением ранее существовавших органов власти и управления, реформированием избирательной системы, развитием гражданских и политических отношений, плюрализма и гласности, преодолением бюрократических установок, развитием местного управления и самоуправления и построением адекватной запросам современности экономической модели развития страны в новых условиях глобального кризиса, с другой стороны.

Важнейшие экономические приоритеты трансформирующегося белорусского общества направлены при этом на создание динамично развивающейся, социально ориентированной рыночной экономики, переживающей сегодня отрицательное внешнее

воздействие глобального экономического кризиса, результатами которого стали резкое снижение темпов роста ВВП, рецессия в промышленности, обвал во внешнеэкономической деятельности, снижение темпов роста производительности труда и падение уровня рентабельности промышленной продукции [1; 3]. *Национально-политические интересы* предполагают обеспечение национальной безопасности Беларуси, независимости, суверенитета белорусского государства, многовекторной политики; осуществление дальнейшей демократизации социальной жизни, создание условий для активной социальной мобильности, свободного проявления и развития индивидуальности каждой личности. *Основные же приоритеты в социальной сфере* предусматривают реализацию принципов социальной справедливости, защиты малоимущих, престарелых, инвалидов, сирот, многодетных семей, студенческой и учащейся молодежи, создание системы социальной защиты населения. Адресная помощь населению не отвергает гарантий *высокой степени экономической свободы*, которая стимулирует генерацию капитала и богатства. Большое количество налогоплательщиков – это лучшая социальная гарантия малообеспеченным и пенсионерам.

Действия государства и общества, направленные на социальную помощь (поддержку), обеспечивают социальную защиту населения в условиях рыночной экономики на основе принципов гуманности, справедливости, адресности, комплексности, соблюдения прав и свобод личности, ибо при всей своей огромной позитивной роли рынок не в состоянии эффективно решать ряд стратегических задач развития эконо-

мики, социальных проблем и *порождает множество противоречий*.

Для разрешения такого рода противоречий и проблем рынок предполагает использование механизма *государственного регулирования*. Государство обеспечивает защиту прав производителей и потребителей, права собственности, оказывает противодействие власти монополий, улучшает функционирование рынка путем создания стабильной обстановки в стране.

Формирование *социально ориентированной рыночной экономики* строится на принципах соблюдения прав и свобод граждан, свободы предпринимательства, равенства всех форм собственности, гарантии ее неприкосновенности и использования в интересах личности и общества, обеспечения взаимосвязки благосостояния работника и результатов его труда, социальной защиты нетрудоспособных и других социально уязвимых слоев населения.

Создавая условия для рыночной экономики, белорусское государство в своей экономической политике стремится к достижению таких принципиальных целей, как рост благосостояния народа, стабильность денег и цен, высокая степень занятости, благоприятная для жизни окружающая среда. *Государственное регулирование экономики* в условиях рыночного хозяйства представляет собой систему мер законодательного, исполнительного и контролирующего характера, осуществляемых государственными учреждениями и общественными организациями в целях стабилизации и приспособления существующей социально-экономической системы к изменяющимся условиям. Задача состоит в том, чтобы найти *оптимальную меру и наиболее эффективные формы государственного регулирования экономики, которые, не разрушая ее рыночную природу, в то же время обеспечили бы рыночной экономике максимальную социальную эффективность*.

Сегодня, в условиях глобального кризиса, возникает *проблема взаимоотношения глобального и национального, сохранения национальных приоритетов*. По мнению некоторых исследователей, современная глобализация унифицирует национально-государственные приоритеты и приводит к «постнациональ-

ному самопониманию политического целого», «постнациональному обществу» (Ю. Хабермас), формированию *вненациональной всеобщей политической культуры, которая позволит перестроить солидарность граждан «на абстрактной основе конституционного патриотизма»*, не прибегая к ментальной укорененности в нации, истории. Граждане Евросоюза с целью гражданской солидарности должны, с этой точки зрения, невзирая на национальные границы, научиться признавать друг друга в качестве одной и той же государственно-политической системы [2. С. 289–293; 319–322].

Концепция «космополитического государства», становление надгосударственных структур единой Европы, элиминирование национального, ограничение национальных правительств, создание транснациональных структур и пространств, объединенного суверенитета, обретение национальными государствами «космополитического характера» является, по словам Бека, «ответом на вызовы глобализации» и противостоянием этническому, религиозному и националистическому фундаментализму [3. С. 340–342].

Ряд авторов критично относится к концепциям «конституционного патриотизма» и «космополитического государства», как сферы благих пожеланий далекого будущего, которое, быть может, никогда не наступит, ибо «в современной действительности существует не субъект права с паспортом в кармане, а человек во всей его целостности, с его мечтами, символами, традициями – тем, что формирует его идентичность» [4. С. 16].

Альтернативные подходы рассматривают как нацию, так и национальное государство своими основными ориентирами. Что же касается пророчеств о глобальной культуре, то они, по их мнению, не в состоянии учесть укорененность культур во времени и пространстве и зависимость идентичности от памяти. «Трансформация в глобальное гражданское общество» не должна быть ответом, по мнению М. Спикера, на вызовы глобализации» [5. С. 305].

Традиционные формы институциональной организации общемирового общезжития в лице взаимодействия национальных государств столь же актуальны, а роль национальных государств и государ-

ственного регулирования рыночной экономики в условиях глобализации возрастает как внутри страны, так и на международном уровне. Как правило, в государственном регулировании рыночной экономики проявляется два разных аспекта. С одной стороны, это необходимое для самого рынка, представляющее неотъемлемое условие для надежной работы организующее воздействие, которое проявляется в формировании свода правил и ограничений рыночной деятельности, его поддержке и обновлении, контроле за соблюдением. С другой стороны, государственное воздействие на рынок проявляется посредством изъятия части прибыли, дохода через систему налогообложения, путем обязательных платежей в бюджет. Изымая средства, необходимые для общегосударственных нужд и определенным образом распределяя их, государство осуществляет свою политику таким образом, чтобы одновременно оказать влияние на рынок и рыночные отношения. Такого рода задачи могут быть решены только при условии *тесного взаимодействия реальной государственно-управленческой практики и динамичного развития социально-политических и экономических наук.*

Ценностно-антропологические повороты в современной экономической науке

Сегодня экономические науки в известном смысле берут на себя функции лидера современного социально-гуманитарного знания, обеспечивая его антропологический и ценностный поворот. В последние десятилетия сформировались четко заявившие о себе научная парадигма и практика использования экономических методов и инструментария в области социологии, права, политики, психологии, антропологии и др. Как реакция на такого рода претензии, в современной методологии науки появилось концептуальное название – «экономический империализм», что отражает попытки экономистов использовать математические и статистические методы в экономических исследованиях, а также проникнуть с помощью эконометрических методов на предметное поле различных общественных наук. Процесс проникновения

экономики в соседние области связан с успешным использованием экономических методов по отношению к исследованию человеческого капитала, образования, преступности, экономики спорта, семейной жизни и других социальных явлений. Все чаще экономические методы построения теоретических моделей и анализа данных находят применение в финансах; современные теории игр и теории контрактов микроэкономики – в исследовании контрактов корпоративного и международного права, судебных решений; экономическая парадигма рационального выбора – в оценке избирательных технологий, формировании политических институтов.

Проникновению экономики в различные науки об обществе и человеке предшествовали мировоззренческо-методологические повороты, которые испытала на себе неоклассическая экономическая наука, сформулировавшая достаточно общие условия, при которых утверждение о «невидимой руке» рынка превратилось в математические теоремы о рыночном равновесии. Интеллектуально привлекательные и верные с формальной точки зрения математические теоремы неоклассической экономики о рыночном равновесии утверждали, что в условиях совершенной конкуренции, симметричной информации, отсутствия трансакционных издержек распределение ресурсов в рыночном равновесии эффективно («первая теорема благосостояния»), и показывали, что любое эффективное распределение ресурсов может быть получено как рыночное равновесие («вторая теорема благосостояния»). Поэтому экономисты и стали изучать *реальные ситуации в экономике*, далекие от идеальной модели рыночного равновесия, когда каждый агент максимизирует свою выгоду при заданных ценах, а цены балансируют спрос и предложение на всех рынках. Стало ясно, что четкие математические теоремы не соответствуют экономической действительности, поскольку их предпосылки практически не выполняются в реальности, подобно уравнениям в области физико-математического знания, что не мешает экономической науке обеспечивать изучение реальных проблем экономики, права, неисполнения судебных решений, метамор-

фозы экономических и политических институтов, осуществлять качественный прорыв в объяснении реальных процессов экономической, политической, правовой действительности.

Междисциплинарное вхождение экономической науки в общественные, использование принятых в естествознании образцов научного исследования с формулировкой предпосылок, проверкой гипотез при помощи эмпирических данных и количественных аргументов обогащают качество самих экономических исследований, выводят экономику на более реалистические предположения о природе человека (особенно в новой области – нейроэкономике, когда предпринимаются попытки измерить физиологические факторы, например альтруизм, уровень счастья, его влияние на экономические показатели), о механизмах возникновения и развития социальных, политических и правовых институтов и др. [6. С. 602].

Роль и статус экономической науки сегодня по отношению к другим наукам настолько значителен, что некоторые исследователи делают выводы о том, что «экономике следует определять не по предмету, а по методу исследования», «отделить собственно экономические исследования от финансовой экономики и экономики контрактов и других аспектов юриспруденции уже невозможно» и что в последнее время достаточно быстро экономика проникает и в политическую сферу, когда, используя «парадигму рационального выбора», ее сторонники анализируют процессы голосования, формирования политических институтов и лоббирования с экономической точки зрения. Экономический анализ социальных процессов выявляет в их структуре и динамике интересные закономерности. В то же время использование в экономике социокультурных и антропологических подходов позволяет зафиксировать ряд макроэкономических различий и характеристик в компаративистской экономике.

В современной экономике социальных взаимодействий на смену классической экономической теории, считавшей, что человек ведет себя в экономике как «экономический агент» – расчетливый и эгоистичный субъект, заботящийся только о своей

собственной выгоде, приходит *антропологический подход*, выявляющий природные механизмы формирования альтруизма, чувства справедливости и т. п. В экспериментальной экономике нейроэкономистами доказано, что люди действительно хотя бы в некоторой степени альтруистичны и готовы платить собственные деньги за устранение несправедливости и неравенства [7; 93]. Социокультурный контекст в понимании справедливости европейцами и американцами позволяет современным экономистам объяснить макроэкономические различия между Европой и Америкой. Полагая, что бедные – не лентяи, а жертвы обстоятельств и несправедливости, европейцы поддерживают высокие социальные пособия и, соответственно, высокие налоги, американцы же голосуют за низкий уровень бюджетного перераспределения и низкие налоги. Оказывается, *экономическому измерению можно подвергнуть и такие антропологические и личностно-субъективные феномены человеческого бытия, как удовлетворенность жизнью, или счастье*.

Несмотря на субъективность, вариативность и зависимость от изменчивых ожиданий показателей счастья, эконометрические методы все же позволяют зафиксировать, что именно самоощущаемое удовлетворение от жизни, или счастье, является наиболее близким аналогом функции полезности, или целевой функции экономических агентов. «Экономика счастья» устанавливает зависимость между увеличением доходов и ростом счастья. Установлено, например, что уровень счастья действительно растет по мере роста ВВП, что несчастные люди работают хуже [8. С. 108]. Широкое использование экономистами количественных аргументов, идеалов и подходов, сформированных в естественных науках с формулировкой теоретико-методологических предпосылок, обоснованием гипотез с последующей верификацией эмпирических данных и получением истинных результатов в виде теоретически убедительных построений, свидетельствует о *высоком статусе экономики в современной науке, ее лидерских амбициях не только по отношению к социально-гуманитарному корпусу дисциплин, но и относительно есте-*

ствознания и техники. В современной экономической науке более четко заявляет о себе проблема взаимодополняемости двух векторов ее развития – объективистски-позитивного, ценностно-нейтрального измерения и социокультурного, национально-специфического, аксиологически наполненного подхода. С одной стороны, здесь срабатывает установка, характерная для развития экономики как науки, связанная с выявлением сущностных характеристик экономического хозяйства, с соответствующей системой описания, обоснования и доказательности научных знаний, использованием четко выстроенного концептуального аппарата, элиминацией ценностно-субъективистских параметров за рамки научного исследования. С другой стороны, вряд ли можно сегодня игнорировать в развитии экономики как живого организма роль национальных традиций, социокультурных факторов, которые динамично интегрируются в экономическое пространство, определяя особенности экономического развития различных стран («американская мечта», «японское чудо» и т. п.).

Для современных методологических исследований и в области экономики, и в области других социально-гуманитарных наук важно опираться на конкретные подходы синергетики как науки о саморазвивающихся объектах и динамике нелинейных систем, которая в понимание развития внесла представление о кооперативных эффектах, определяющих воссоздание целостности систем, концепцию динамического хаоса, раскрывающую механизмы становления новых уровней организации, когда случайные флуктуации в состояниях неустойчивости приводят к формированию аттракторов в нелинейной среде и последующему возникновению новых параметров порядка. Этот момент детерминирует важную конкретизацию в понимании механизмов развития в самых различных сферах – природной, социальной, экономической и духовной. В этом смысле синергетический подход, наряду с системным, становится фундаментальным общенаучным принципом, ориентирующим ученых на исследование механизмов развития изучаемых физических и социальных сложноразвивающихся объектов, процессов неустойчивости,

состояний динамического хаоса с учетом понятийного аппарата системных исследований. С точки зрения обоснования механизмов преодоления нестабильности, важно различать синергетику как науку о саморазвивающихся системах с ее концептуальным аппаратом и принципами, синергетику как совокупность конкретных моделей самоорганизации, применяемых в различных областях знания (физике, химии, биологии, политике, экономике, медицине, образовании и т. д.), и синергетику как определенную стратегию современных исследований, как интеграционный синергетический стиль мышления, ориентирующий исследователей на кооперацию, диалог, взаимообогащение, взаимодополнение различных наук и подходов, воплощающий в себя открытый тип рациональности, нелинейный характер развития, неустойчивость, динамическую иерархичность и необходимость учета нравственно-аксиологических измерений научного поиска [9. С. 126].

Современные философско-методологические исследования еще не в полной мере учитывают факторы социокультурной динамики и глобальных изменений в современной науке, ее междисциплинарный, а точнее говоря, трансдисциплинарный характер, выражающийся в усилении участия общественности в принятии решений в области научно-технической политики и в необходимости разъяснения содержания научно-технических проектов за рамками научного сообщества. Это же относится и к принятию решений в глобальной политике. Именно политика должна воплощать нормативные идеи, будучи связанной при этом с научными обоснованиями, ибо без науки многие проблемы в силу их сложности современная политика решать не может. В этом смысле сегодня говорят о так называемой трансдисциплинарной науке, выходящей не только за рамки отдельных дисциплин, но и дисциплинарной науки вообще в широкую общественную среду, что обеспечивает этику научного поиска и этическую экспертизу проводимых научных исследований [10. С. 80–86].

На XXII Всемирном философском конгрессе (Сеул, август 2008) в качестве альтернативы современному техногенному обществу было названо *нравственное общество*.

По мнению французского философа *Jean Goffi*, это такое общество, где все его члены следуют правилам и нормам общественной морали. Ведь индивидуальный и групповой эгоизм подрывает сегодня стабильность развития. *M. Parizeau* из Канады предложила: «Нужна социальная этика, ограничивающая эгоизм; либеральная демократия должна быть поставлена в этические рамки. Должен существовать моральный кодекс для правящих кругов. Нам нужны общие правила для всего человечества. Для этого нам следует учесть моральные нормы традиционных культур, которые сегодня игнорируются государственными структурами при составлении законов» [11. С. 181].

Импульс нравственного поворота социально-гуманитарных и экономических наук исходит из революционного по своему существу развития современных социально-политических и экономических процессов. Ценностно-антропологический подход в понимании кризисных ситуаций современной цивилизации выступает сегодня и как метод познания, и как стиль современного мышления, ибо «речь идет о судьбе человека и нашей цивилизации» [12. С. 4]. Такого рода антропологические интенции являются *общей тенденцией современных социально-гуманитарных и экономических наук, обеспечивая их академическую самостоятельность и в то же время междисциплинарность, появление новых субдисциплин, диалог и интеграцию, аксиологически нравственное наполнение.*

Самоопределение и взаимодействие экономических и политических наук

В реальном своем становлении и развитии экономика теснейшим образом связана с политикой. Экономика и политика – основные, взаимообуславливающие друг друга сферы жизни общества и государства, в которых концентрируется социально-политическая, духовная и материальная деятельность различных социальных субъектов. Экономика как системное единство отношений производства, обмена, распределения и потребления воздействует на политику как прямо, так и косвенно, определяя общую ее направленность и социальный характер действующих политичес-

ких институтов (в первую очередь, государства), политических отношений и идеологических учреждений (организаций), а также способы использования в политике материальных средств.

Экономика, как совокупность отраслей материального производства, является результатом длительной эволюции систем разделения общества на классы, социальные слои (страты), а следовательно, и возникновения различных организаций политического характера. *Политическая организация* общества функционирует по собственным, ей имманентно присущим законам и социально-правовым нормам, однако в рамках господствующих форм собственности и экономической организации. Взаимосвязь экономики и политики проявляется и в том, что интегрированный экономический интерес воплощается в таких феноменах, как промышленная, финансовая, кредитная, внешнеторговая и другие разновидности политики. Для успешного экономического развития большое значение имеет способность политики обеспечивать в обществе легитимное представительство различных групп и их интересов, согласование и координацию деятельности многочисленных субъектов, недопущение конфликтов в результате использования таких средств, как переговоры, уступки, компромиссы.

Органическая форма взаимодействия политических, экономических и юридических наук еще до их становления и самоопределения была детерминирована необходимостью изучения закономерностей развития общества, человека, государства. Начиная с античной эпохи полисной организации государства в Греции *практическая политика* сочеталась с коллективными решениями государственных дел, законотворчеством народных собраний и судопроизводства, осуществляемых избирательными коллегиями граждан, а позже – народным судом. Политическое участие и правовой суверенитет народных собраний в Риме также были тесно связаны друг с другом, хотя здесь формирование судебной власти и ее отделение от политической власти народных собраний началось раньше. В монархических, имперских режимах исторический процесс разделения политики и права вытесняется процессом их одновремен-

ной концентрации. До конца XIX в. проблемы власти и политики решались прежде всего как правовые проблемы, что выражалось в борьбе за право на законотворчество между парламентом и монархом; в передаче народу власти, а правителю – права издавать законы вместе с требованием исполнения им законов как основы политического управления. В силу этого *политические учения формулировались как правовые и философия политики представлялась как философия права* (Гегель). Тем не менее история политических учений Европы включает в себя весьма конкретные труды научно-политического плана. Бурное развитие политической науки начинается в 20-е годы XX в. Этому способствовали потребность в *рационализации политики, усложнение структуры общества, изменение статуса политики*, формирование новых информационно-технических средств как массового процесса, повышение моральной и профессиональной ответственности при принятии и осуществлении решений на микро-, макро- и мегауровнях и т. д.

Автономизация экономической, политической и юридической наук осуществлялась по линии *предметной и функциональной дифференциации*; формулировки конкретных практических норм экономики, права, политики; *дифференциации по методам*. Дифференциация экономической, правовой и политической наук, их опредмечивание проходят в рамках разделения сфер осмысления многообразных феноменов политики, экономики и права путем их предметного самоопределения, ибо выполняемые ими социальные, когнитивные, прогностические и критические функции отличаются, скорее, лишь масштабами. Так, политическая наука на *эмпирическом уровне* занимается анализом организации власти, изучая избирательные процедуры, общественное мнение, пропаганду, работу институциональных структур. Это требует использования специальных методов создания образа политика, корректировки его коммуникативной парадигмы и т. п. На *теоретическом уровне* политическая наука ориентирована на исследование институтов, систем и структур, специфики политического процесса, статуса и динамики демократии и пр. и использует при этом как

собственные методы, так и методы смежных дисциплин – экономических и правовых наук, психологии политики, теории управления и др.

Развитие самого политического знания, необходимость в рационализации политики потребовали к середине XX в. более конкретного понимания предмета политической науки. В 1948 г. группа экспертов ЮНЕСКО приняла специальную резолюцию, в которой был дан перечень вопросов по четырем направлениям: политическая теория и история политических идей; политические институты; партии, группы, общественное мнение, выборы, информация и пропаганда; международные отношения и внешняя политика. Уже в начале 50-х годов XX в. пункты второй и третий стали объединяться под общим названием *«политическая социология»*. Появились четыре главные ветви политической науки: политическая теория, политическая социология, административные науки, международные отношения [13. С. 22].

В последнее время все более привлекательной темой политического дискурса становится проблема взаимоотношений власти и морали. Несмотря на распространенное мнение о том, что политика и нравственность несовместимы, ретроспективный анализ их взаимоотношений (в конституционно-содержательном, а не в хронологическом измерении) позволяет увидеть тенденцию к взаимодействию морали и политики и выделить три основные его модели: *подчинение практической деятельности людей (в том числе политической), морали, что характерно для христианских учений*, в которых сформировались такие нравственные принципы и правила, как «не убий», «люби врагов своих как самого себя» и т. п., *для подходов гуманистов с их особым отношением к человеку как к высшей ценности мира и этикой ненасильственной борьбы за более справедливое общество*. Следующая модель передает *существенный разрыв между политикой и моралью*, что отразилось в таких высказываниях, как «в политике нет морали, есть только интересы». И третья модель характеризует *достижение разумного взаимодействия политики и морали*. Именно последняя, коммуника-

тивная модель, должна быть актуализирована и востребована в современной ситуации поиска выхода из мирового кризиса.

Диалог либеральных и традиционных ценностей

Ценностно-антропологический подход в интерпретации взаимоотношений человека, власти, государства и общества характерен и для *современной юридической науки*, ибо важнейшей характеристикой права, наряду с его онтологическим и гносеологическим измерением, является рассмотрение *права как ценности*, т. е. *аксиологические аспекты права*. Согласно данному подходу, ценность действующего (познавательного) права и реально наличного (фактического, эмпирического) государства определяется по единому основанию и критерию, а именно с позиций *правовых ценностей (права как ценности)*. Право при этом выступает не как формализованный (формально-фактический) носитель моральных (или смешанных морально-правовых) ценностей, что характерно для естественно-правового подхода, а как строго определенная *форма именно правовых ценностей, как специфическая форма правового должностования, отличная от всех других (моральных, религиозных и т. д.) форм должностования и ценностных форм*. Право здесь – цель и должное для закона (позитивного права) и реального государства, а закон (позитивное право) и государство должны быть ориентированы на воплощение и осуществление требований права, поскольку именно в этом состоят их цель, смысл, значение. Закон (позитивное право) и государство ценны лишь как правовые явления. *Закон (позитивное право) и государство должны быть правовыми*. Правовой закон и правовое государство – это, следовательно, правовые цели и ценности для реального закона (позитивного права) и государства (В.С. Нерсесянц). Сегодня в контексте глобализационных процессов актуализируется проблема нравственного измерения и регулирования международного права и международных отношений.

Взаимодействие экономики, политики, права, морали и государства способствует функционированию целостного общественно-политического и правового сознания,

формированию демократических ценностей, адекватной оценки статуса либеральных ценностей в экономике и политике в эпоху глобализации.

С целью формирования механизмов преодоления мирового экономического кризиса, критического переосмысления либеральных стандартов и ценностей, путей демократического развития общества прежде всего необходимо выявить динамику ценностного поворота, осуществляемого современным человечеством, ибо глобальный финансово-экономический кризис во многом является кризисом системы духовных ценностей [14]. Сегодня экономисты говорят о необходимости *ценностного измерения рыночной экономики*, отказа от установок «инструментализации», прагматизации разума, власти денег, утвердившихся в мыслях, деяниях и умах наших современников. «Мы должны были бы, – пишет известный французский экономист Серж Латуш, – пожелать такого общества, в котором экономика уже не занимала бы место центральной (или единственной) ценности и не была бы последней стратегической целью... Это необходимо не только для того, чтобы не была окончательно разрушена земная среда, но также, и прежде всего, для того, чтобы вызволить современного человека из физической и нравственной нищеты» [15. С. 96].

Скептическое отношение к статусу общечеловеческих ценностей усиливается посредством дискуссий о самом существовании человечества как действующего субъекта в единственном числе. Высказывается мысль о том, что позади той силы, которая играет роль человечества, всегда скрывается частная сила, которая с помощью этого маневра пытается обеспечить себе преимущества в конкуренции с другими силами. Новейшая историческая практика все в большей степени актуализирует идею неповторимости, уникальности, самобытности единичных и особых социальных, культурных образований, ценностей, традиций каждой страны, каждого региона, каждой культуры, каждого индивида. [16. С. 335]. Гипертрофированные принципы экономического и политического либерализма с ярко выраженными установками рационализма и эгоизма, индивидуальными

потребностями, правами и интересами *оборачиваются атомизацией общества, отрывом человека модерна от целей общества, забвением идеалов коллективизма, маркетизацией духовных ценностей* [17. С. 33].

На фоне господства либеральных ценностей в экономике и политике актуализируется необходимость системных исследований средствами различных социально-гуманитарных наук: проблемы *сохранения национальных приоритетов в контексте глобализации*, определения ее воздействия на национальную культуру, экономику, политику; зависимости национальных экономик от глобальных финансовых рынков и транснациональных корпораций, оптимального характера рыночного регулирования; механизмов формирования экономически единого мира. Процесс глобализации обусловлен свободным движением капиталов и возрастающей зависимостью национальных экономик от глобальных финансовых рынков и транснациональных корпораций, когда стираются географические границы социальных и культурных систем. В эпоху глобализации основными оказываются *транснациональные подходы к организации глобальной системы, в основе которой лежат глобальные тенденции и институты*. Глобализация поэтому свидетельствует не о становлении единой цивилизации, разделяющей пресловутые «общечеловеческие» ценности, а об *экспансии «западной» модели общества и приспособлении мира к ее потребностям* [18. С. 48]. Вместе с тем глобализация парадоксальным, на первый взгляд, образом повысила ценности самобытности, специфики, неповторимости каждой из составляющих «единиц».

Мировой экономический кризис требует отказаться от откровенного эгоизма развитых стран во имя разрешения собственных стратегических проблем, пересмотра приоритетов «свободного рынка», ориентации на коммерческий успех любой ценой и считаться с социокультурными и ценностными приоритетами национальных государств и сообществ. В условиях глобального кризиса, несомненно, важно искать *механизмы управления глобальными процессами, установления как общеевропей-*

ской, так и мировой демократии, которая бы выступала не просто символом национальных демократий, а проявлением воли самих граждан, реального диалога различных интересов, идентичностей, глобальной ответственности, идеалов справедливости для всех и стремления к обеспечению блага для собственного этноса. Морально-этическим аспектам демократии большое внимание уделялось на Сеульском философском конгрессе. Отмечалось, что *серьезную угрозу для подлинной демократии представляют как эгоцентричный индивидуализм, так и агрессивный коллективизм*. «Для обеспечения демократии нужны моральные нормы, необходимо создать универсальную этику для всех людей, считает *M. Parizeau*. Критике неолиберальной трактовки демократии, которая игнорирует моральные нормы, посвятил свой доклад американский философ *Fred Dallmayr*. Он полагает, что демократию нужно рассматривать как «этическое сообщество». В этом отношении, по его мнению, огромный интерес представляет социокультурное наследие Востока, в частности учение Махатмы Ганди о самоуправлении народа, а также концепция нового конфуцианства, развиваемая *Tu Weiming*. Американский философ *Vittorio Hösle* подверг аргументированной критике доминирующую модель процедурной демократии. Вместо формалистического концепта демократии он предложил понимание демократии как разумного средства для достижения субстантивно-реальной и межпоколенческой справедливости [11. С. 182].

В современных подходах по переоценке ценностей демократии отмечают *растущий критицизм в адрес демократии западного (европейского, американского) образца и усиливающееся недоверие населения разных стран мира, включая страны Европы, к либеральным ценностям и моделям демократического развития*. Тенденции сужения базы демократии, ее «удушения» (Б. Барбер) проявляют себя в таких процессах, как недовольство широких слоев населения «опустошением» демократии, ее ритуализацией, отсутствием контроля за социальными процессами, в том числе глобализацией, со стороны демократической общественности; слабость демократии пе-

ред лицом все более популярного, в том числе и в Европе, фундаментализма разного толка, тем более терроризма. Дается достаточно резкая оценка ошибок экономического и иного либерализма, которые широко используются для критики либеральной демократии как таковой. Там где побеждает ортодоксия свободного рынка, умирает демократия, считает Н. Бирнбаум. Аналитики приходят к выводу, что страны, объявляющие себя или объявленные другими «эталонно-демократическими», отличаются многими плохо совместимыми с демократией и даже антидемократическими пороками управления политической жизнью народа. Наблюдающиеся же в XXI в. явления насильственной, «учреждаемой» через военное вмешательство демократии противоречат самой ее сути, что свидетельствует о «дефиците демократии», «отсутствии демократической субстанции» (Ю. Хабермас), выхолащивании демократических форм, «загрязнении» демократии.

Правящие элиты Запада «рекомендуют» некую «эталонную демократию», основанную на ценностях либеральной демократии, навязывают ее, нередко с помощью военной силы, развивающимся странам и новым государствам постсоциалистической системы [19. С. 3–13]. В то же время сама западная либеральная демократия переживает кризис, что отмечается и в средствах массовой информации, в том числе во влиятельной американской газете «Вашингтон Таймс»: «Многие из нас... считают, что наш путь единственный (не самый лучший или не самый быстрый, а единственный) путь в рай. Более того, многие из нас убеждены: кто не верит в другой путь, проклят Богом, а поэтому мы можем с чистой совестью унижать и осуждать их» [20. С. 4]. Признание кризиса либеральной модели демократии, по мнению ответственного редактора данного издания, вовсе не означает отрицание ценностей демократии как таковой, как образа жизни. Нет и не может быть единого стандарта демократии. Она – не застывшая форма, а продукт политической, правовой, культурной, экономической деятельности человеческого общества и развивается вместе с ним, в том числе и посредством кризисов.

Сегодня необходимо продумывать *новые формы и процедуры демократии, учитывающие глобализационно-цивилизационные повороты современного человечества и одновременно классические принципы демократии*, т. е. реального участия широких слоев народа в определении собственной жизни и судьбы, ибо ценности демократии, в том числе и в их либеральном варианте, столь глубоко укоренены в сознании и деятельности современного человека, что устранение и ухудшение их, какой бы вид не принимали подобные попытки, уже невозможно и с исторической точки зрения. Вызывают интерес в этом плане дискуссии о судьбах демократизации и модернизации российского общества, развернувшиеся вокруг обсуждения доклада «Россия XXI века: образ желаемого завтра», подготовленного Институтом современного развития, чей попечительский совет возглавляет Президент РФ Д. Медведев. Теории о том, утверждает В. Иноземцев, что реформы в экономике невозможны без масштабных изменений политической системы, несостоятельны, ибо примеры успешных модернизаций XX в. в Южной Корее в 60-х, в Бразилии в 70-х, Китае 80-х годах говорят об обратном: «прорывы» в этих странах были сделаны при жестких «недемократических» режимах. Эти режимы на волне экономического роста в некоторых странах позже были сметены. Если масштабные политические реформы проводить именно сегодня, то это, по мнению данного автора, лишь задержит необходимые для страны экономические преобразования, при этом не следует реформировать и судебную систему, а сделать так, чтобы она соблюдала уже существующие законы. Решать проблемы экономического развития и борьбы с коррупцией, считают сторонники доклада, можно только на основе демократизации политической системы; радикального повышения участия граждан в управлении на всех уровнях; налаживания диалога власти, бизнеса и населения; обеспечения независимости судов, СМИ и т. д. [22].

Все чаще исследователи говорят о *диалоге либеральных и традиционных ценностей при обосновании нравственных поворотов в современной демократии*. Альтерна-

тивы демократии как своего рода «социальной гигиены» в мире не существует при всех трудностях, противоречиях, имитациях и прямых провалах в развитии демократии в ряде стран. В связи с этим необходимы системные исследования для выявления динамики демократии в современных условиях, *формирования и развития демократических структур, гражданского общества, роли национальных государств и государственного регулирования в контексте глобализационных процессов.*

Без опоры на базовые ценности и традиции народа невозможен успех любых демократических реформ. Ведь провал либеральных реформ в постсоветской России, как отмечают многие ученые, был предопределен изначально самим выбором модели «догоняющей вестернизации», изжившей себя исторически и неадекватной социокультурному и цивилизационному генотипу России. Неолибералы напрочь пренебрегли историческим опытом и своеобразием страны, которую взялись реформировать, и потому столь желанный капитализм получился у них «диким», насквозь коррумпированным и криминальным. Главным препятствием в деле общенациональной стратегии развития российские ученые считают недооценку, по сути игнорирование ценностных, смысложизненных аспектов исторически сложившегося бытия и самосознания [21. С. 18–20].

Стратегическим приоритетом динамики современной демократии становится диалог и консенсус либеральных и традиционных ценностей. В условиях сосуществования цивилизации, открытости и нарастающей интеграции мира ни одна модель общественного устройства не может претендовать на универсальность и навязывать себя в качестве эталонного образца. Несмотря на то, что в своих идеологических предпочтениях либеральная и традиционная системы ценностей существенно и заметно отличаются друг от друга, в сфере житейских ценностей – семья, безопасность, благополучие и т. д. – у них много сходного и общего. Если традиционализм принято упрекать в консервативности, этатизме и патернализме, то на том же основании либерализму следует вменить разрушитель-

ный антропоцентризм и подмену соперничества бездушной конкуренцией. Современный опыт модернизации таких стран, как Япония, Китай, Чехия, показывает, что, встав на путь наращивания информационного ресурса и внедрения передовых технологий, они с *максимальной отдачей и пользой использовали свой исторический опыт и культурное наследие, не отказываясь от собственной идентичности.* Односторонняя же политика неолиберального глобализма, целенаправленно определяемая США и их геополитическими партнерами, странами так называемого «золотого миллиарда» в интересах транснациональных компаний, мало считается с национальными интересами других стран, увеличивает разрыв между богатыми и бедными, навязывает свои решения, обостряя межнациональные и межрегиональные конфликты. Такая политика и правила игры противоречат реалиям мировой экономики и политики. Не случайно в докладе ООН подчеркивается, что *«глобализация с человеческим лицом» требует управления миром с целью поддержания морали и прав человека, равенства, справедливости, безопасности, устойчивости природной среды, развития общества и противостоит маргинализации.*

Стратегический вектор развития при этом должен соответствовать цивилизационно-культурной и национально-государственной идентичности Республики Беларусь, сохранять и укреплять ее статус в геополитическом и геостратегическом плане, международно-экономической, правовой и внутривластной сферах, опираться преимущественно на собственный капитал и стимулы трансформационных изменений. В решении такого рода многоплановых задач необходимы междисциплинарные взаимодействия экономики, политологии, истории, юриспруденции, социологии и др., а также диалог этих наук с реальной экономической и социально-политической практикой. Сегодня особенно необходима обновленная парадигма общенационального развития, базирующаяся на духовно-нравственных ценностях собственной истории и культуры, ориентированная на экономическую и политическую стабильность и единство общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шимов В.Н. Мировой финансово-экономический кризис: негативные последствия для Беларуси и пути их преодоления // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Минск, 2009.
2. Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005.
3. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007.
4. Гранин Ю.Д. «Глобальное гражданство» или «глобальная этика» // Философские науки. 2008. № 10.
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999.
6. Яскевич Я.С. Философия и методология науки. Минск, 2007.
7. Fehr E., Schmidt K. Theories of Fairness and Reciprocity – Evidence and Economic Applications // Advances in Economics and Econometrics – 8-th World Congress, Econometric Society Monographs. Cambridge, 2002.
8. Di Tella K., McAulloch R. Some Uses of Happiness Data in Economics // Journal of Economic Review. 2006. Vol. 96. June.
9. Степин В.С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В.С. Степин, Л.Ф. Кузнецова. М., 1994.
10. Горохов В.Г. Междисциплинарные исследования научно-технического развития и инновационная политика // Вопросы философии. 2006. № 4.
11. Мантатов В.В. Глобализация, устойчивое развитие и общество будущего // Век глобализации. 2009. № 1.
12. О настоящем и будущем (размышления о философии). Беседа Б.И. Пружинина с В.А. Лекторским // Вопросы философии. 2007. № 1.
13. Решетников С.В. Методология и методы анализа государственной политики и управления / С.В. Решетников, Н.А. Антонович, Б.Я. Мигас. Минск, 2001.
14. Яскевич Я.С. Время кризиса – время надежды и диалога. Минск, 2009.
15. Latouche S. Die Untervernunft der ökonomischen Vernunft. Zurich–Berlin, 2004.
16. Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М., 2010.
17. Соколова Р.И. Человеческий фактор – неучтенный элемент российского государства // Вопросы философии. 2009. № 5.
18. Иноземцев В.Л. Прогресс и социальная поляризация в XXI столетии // Полис. 2008. № 6.
19. Зеленко Б.И. Демократия и современная Россия: непростое сочетание // Вопросы философии. 2008. № 5.
20. Западные СМИ о кризисе «эталонной демократии». М., 2006.
21. О стратегии российского развития. М., 2003.
22. «Пилюли» для рывка. Возможна ли модернизация без демократизации? // Аргументы и факты. 2010. № 7 (111).

Материал поступил 22.02.2010 г.

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.
□□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.

BSEU Belarus State Economic University. Library.
<http://www.bseu.by> elib@bseu.by